

*Э.Р. Козай*

## **«...И УСЛЫШИШЬ ТО, ЧТО БЫЛО СКАЗАНО ТИХО»**

Тема Международной научно-практической конференции «Экология языка и речи» - свидетельство неподдельного интереса лингвистов к вопросу о судьбах русского языка. Диапазон мнений по этой проблеме широк. В исследованиях особое внимание уделяется языку средств массовой информации. За пределами изучения остается язык художественной литературы. Именно в художественной литературе можно наблюдать рождение аномального, отклоняющиеся от нормы факта языка.

Любое отклонение от нормы вызывает непосредственную реакцию, неподдельный интерес, позволяет осознать норму. Чаще всего отклонение от нормы воспринимается как аномалия, разрушающая язык. Художественная литература в этом смысле исключение. В литературе действуют иные законы, нежели в языке. Отклонение от нормы в языке поэзии (речь идет о фактах авторского словотворчества) – это не низкий уровень языковой компетенции поэта и даже не художественный прием, а зачастую элемент оригинальной эстетической гносеологии, семантической интерпретации мира, единица поэтического идиолекта творческой языковой личности.

Обратимся к творчеству современного российского поэта, композитора, автора учебников по компьютерной грамотности Александра Шлемовича Левина. Исследователи творчества А. Левина [Аксенова 1998; Зубова 2000; Лощилов 1995; Фатеева 2001 и др.] называют его «филологичным современным поэтом», рефлексирующим над словом. Результатом левинской рефлексии становятся окказионализмы. Читатели, критики, лингвисты знают и помнят «кудаблин-тудаблин», «голый по пояс», «Комарамуха», «Цукермаркерет», «Какакация», «какангел», «веселопедист», «путеводный звездеч», «муравоин», «мерзайцы», «комарабль», «паукабель», «паукатор», «пирожук», «поюны», «люлякеры-кебаберы», «горячие собакеры», «Хомо-сцапиенс» и многие другие индивидуально-авторские новообразования.

Обратимся к неизвестному Левину. Левину – философу, Левину - продолжателю традиций великой русской литературы. Прочитаем стихотворение «Угомонилась птица Гамаюн».

Угомонилась птица Гамаюн,  
умаялась и надоела публике.  
Разговорилась птица Говорун –  
о мире, вере и моральном облике.  
Раздухарилась птица Какадуй.  
Поёт и скачет. Поёт и скачет.  
В большом почете птица Козодой:  
берёт и доит, кого захочет.  
С оттяжкой тарарахнул Зензивер.  
Привычно опечалилась Зегзица.  
В дымящейся золе от барбекю  
опять зашевелилась Феникс-птица.  
Ушёл куда-то страшный кот Баюн,  
не бает песен, баек не лабает.  
Пришёл из лесу серенький Молчок,  
молчит и скалится, рычит и лает.  
И пристальная птица Карачун  
круги сужает.

(2009 г.)

Движение смысла в этом стихотворении основано на использовании собственных (!) имен птиц. Насыщение текста собственными именами - прием, часто используемый поэтом.

Зная А. Левина как мастера окказионализмов, можно предположить, что он прибегнет к индивидуально-авторскому словотворчеству. Но анализ убеждает, что новообразований в стихотворении только два – «Какадуй» и «Молчок». Актуализировав семантический «ореол» наименований птиц,

обыграв форму слов, он употребил нарицательные существительные в значении собственных.

Первая же строка отсылает читателя к стихотворению А. Блока «Гамаюн, птица вещая». Устанавливается связь времен и традиций между двумя поэтами. Эта связь есть ни что иное, как продолжение культурных традиций. Но, к сожалению, не связь поколений. Времена изменились, ушло нечто важное из жизни наших современников. Они не хотят слышать пророчества вещей птицы. Блоковская мифологическая птица предвещает будущее тем, кто умеет слышать тайное: «Вещает иго злых татар, / Вещает казней ряд кровавых, / И трус, и голод, и пожар, / Злодеев силу, гибель правых...». Левинскую же птицу не желают слышать, она превратилась в банальный предмет, напоминающий, например, телевизор или ежедневные газеты. Избалованной публике надоела вещунья, публика жаждет новых зрелищ.

«Птичью» тему продолжает птица Говорун (не путайте с литературным персонажем книг Кира Булычева птицей Говорун, которая отличается умом и сообразительностью). Птица Говорун в стихотворении А. Левина оправдывает свое название, она любит сотрясать воздух пустыми рассуждениями «о мире, вере и моральном облике», любит поговорить, поболтать.

Птица Какадуй – особая птица в мире поэзии А. Левина. В его поэтической вселенной, Какадуй, пожалуй, единственный представитель пернатых, не связанный ни с литературой, ни с мифологией. «Какадуй» - индивидуально-авторское новообразование А. Левина (ср. «оболдуй»).

Птица с необычным именем «Козодой» (обыкновенный козодой или *Carpimulgus europaeus*) - единственное в стихотворении наименование реально существующей ночной насекомоядной птицы. Это узвальное (с точки зрения современного русского языка) наименование. По данным «Википедии – свободной энциклопедии»: «Свое нелепое, по существу, название «козодой» птица получила на основании старого немецкого

поверья: козодоя считали вредным и приписывали ему способность выдаивать коз. Эта склонность козодоя держаться у стад во время их вечернего отдыха и послужила основой для нелепой легенды» [<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%B7%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B9>].

Отталкиваясь от семантики слов, от которых образовано слово «козодой» («коза», «доить»), апеллируя к фразеологизму «дойная корова», А. Левин актуализирует прямое значение: «берёт и доит, кого захочет».

О птице Зензивер можно писать научный филологический трактат. Обратимся к стихотворению Велимира Хлебникова «Кузнечик», откуда собственно и «заимствовано» народное название большой синицы «зинзивер» («зензивер» в орфографии А. Левина), которое очень хочется отнести к окказионализмам, но, которое таковым не является:

Крылышкуя золотописьмом  
Тончайших жил,  
Кузнечик в кузов пуза уложил  
Прибрежных много трав и вер.  
"Пинь, пинь, пинь!" – тарарахнул зинзивер.  
О, лебедиво!  
О, озари!  
(1908–1909 гг.)

Это знаменитое стихотворение обычно рассматривают как яркий пример хлебниковской зауми. Но мы согласны с Виктором Кишиневским [см. подробнее: <http://vcisch.narod.ru/ZUZZU/KUZNETHIK/Kuznethik.htm>], что никакой зауми в данном случае нет. Знаменитое хлебниковское «тарарахнул зинзивер», услышанное и подхваченное А. Левиным, звукоподражание. Большая синица, действительно, поет: «Пинь-пинь-пинь-тарарах» (отец В. Хлебникова был орнитологом, большим знатоком птиц, поклонником Ч. Дарвина и Л. Толстого. Возможно, услышанное поэтом в детстве «пинь-пинь-тарарах», отразилось позднее в его стихотворении).

Чтобы понять поэтическую природу строки «Привычно опечалилась Зегзица» необходимо обратиться к памятнику древнерусской литературы «Слову о полку Игореве»: «На Дунаи Ярославнынъ гласъ слышитъ, зегзицею незнаемъ рано кычетъ: Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви». Зегзица — на древнерусском языке «кукушка». Птица, которой приписываются человеческие качества. Она плачет, как женщина о птенцах, которых потеряла. Эта птица - символ сиротства и печали.

Продолжает «птичью» тему мифологическая Феникс-птица - символ вечного обновления. Она известна просвещенному культурному миру способностью возрождаться из пепла. Но в прозе современной городской жизни нет места мифологии. И вот уже древний символ бессмертия шевелится в «дымящейся золе от барбекю».

Закрывает древнерусский мифологический «птичий» круг Птица Карачун. «Карачун - в древнерусской языческой мифологии божество смерти, подземный бог, повелевающий морозами, злой дух. День языческого почитания Карачуна приходился на день зимнего солнцеворота (22 декабря) – самый короткий день в году, один из самых холодных дней зимы. По языческим поверьям, именно Карачун (второе имя Чернобог) укорачивал светлую часть суток, повергая мир во тьму» [<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%87%D1%83%D0%BD>]. Над кем же сужает круги зловещая птица Карачун в стихотворении А. Левина? Камо грядеши, современный человек?

Не вписываются в «птичью» тему «страшный кот Баюн», который «не бает песен» и «серенький Молчок», который «молчит и скалится, рычит и лает». Они продолжают фольклорные традиции, а отчасти и пушкинские.

Кот Баюн – персонаж русских волшебных сказок и лубочных повестей, огромный кот-людоед, обладающий волшебным птичьим убаюкивающим голосом (Баюн – баить – баять. Баять – «говорить, болтать, беседовать, рассказывать, уговаривать, заговаривать») [Даль 1978 т.1: 39]. Возможно,

образ ученого кота в прологе к поэме «Руслан и Людмила» восходит у А.С. Пушкина к образу кота Баюна.

Серенький Молчок – персонаж, созданный А. Левиным по аналогии и на основе ассоциативного созвучия с фольклорным сереньким волчком – «героем» колыбельных песен. Актуализируя прямое значение слова «молчок – полное молчание, а также требование молчать» [Ожегов 1986: 309], поэт создает неоднозначный противоречивый, как наш мир, образ рычащего Молчка (сколько тонкой иронии!).

Стихотворение шокирует поэтическим хулиганством (в положительном смысле). Смешение различных пластов лексики. Вкрапления живых разговорных слов в ткань художественного произведения (угомониться (разг.), умяться (простореч.), разговориться (разг.), раздухариться (разг., сниж.), доить (перен., простореч.), тарарахнуть (прост.), баять (разг.), лабать (жарг.). Противопоставление стилистически сниженных глаголов мифопоэтическим книжным существительным. Бесконечные нюансы в значениях слов, появляющиеся в результате использования контекстуальной многозначности, когда актуализируется как прямое, так и переносное значение слов. Использование мифологических, фольклорных, литературных образов, помещенных в реалии современной жизни. Все эти приемы - не признак несоблюдения норм. Скорее – единственно возможная, органично существующая форма выражения авторского «Я». Автор играет с языком, играет с культурной традицией, играет со словом, играет с читателем, играет с самим собой. В результате этой игры местами интеллектуальной, местами простодушной, местами ироничной, местами грустной, смешивающей высокое и низкое, серьезное и смешное, рождается левинская рефлексия, левинский мир, левинская вселенная, о которой он сказал без надрыва, без пафоса, тихо-тихо, в ползвука.

### *Список литературы*

Аксенова О. Языковая игра как лингвистический эксперимент поэта (Лексика и грамматика в стихах Александра Левина) Санкт-Петербургский гос. ун-т, 1998 // <http://levin.rinet.ru/ABOUT/Aksenova1.html>.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка.- М., 1978, т.1.

Зубова Л.В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. -М., 2000.

Лоцилов И. Лингвистический лимб поэта Левина // Новая Сибирь. -1995. - № 9 (94).

Ожегов С.И. Словарь русского языка.- М., 1986.

Фатеева Н. Основные тенденции развития поэтического языка в конце XX века // Новое литературное обозрение. -М., 2001.- № 50. -с. 416–434.